

0-795245

На правах рукописи

Киселёва Ирина Александровна

**ТВОРЧЕСТВО М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
КАК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук*

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре русской классической литературы Московского государственного областного университета

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Аношкина Вера Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Щеблыкин Иван Павлович

доктор филологических наук
Радомская Татьяна Игоревна

доктор философских наук, профессор
Семаева Ирина Ивановна

Ведущая организация: МГУ им. М.В. Ломоносова

Защита состоится «15» марта 2012 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.155.01 по литературоведению при МГОУ по адресу: 105005, г. Москва, ул. Энгельса, д. 21а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МГОУ по адресу: г. Москва, ул. Радио, д. 10а.

Автореферат разослан «10» февраля 2012 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Т.А. Алпатова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000808128

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации выявлены истоки формирования религиозности Лермонтова (1814 – 1841) и специфика его личностного мировоззрения. Творчество Лермонтова рассмотрено в свете философских и художественных исканий его времени, уточнены особенности этических представлений поэта, их неотделимость от религиозного понимания мира и человека. Творчество Лермонтова являет собой синтез художественного, опытно-мистического и философского путей познания. Важнейшим элементом поэтической системы Лермонтова является художественный образ, который предстаёт её основной составляющей единицей. Целостность поэтического мира Лермонтова проявляется в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности как отдельных стихотворений, поэм, драм, романов, так и идейно-тематических групп произведений. Литературное наследие Лермонтова находится в неразрывном единстве с духовно-культурной жизнью нации и её религиозно-философской рефлексией.

Актуальность темы исследования определяется её высокой теоретической значимостью как перспективного направления отечественного литературоведения и ориентированностью на решение комплекса научных проблем:

научной оценки религиозно-философской рецепции творчества Лермонтова, его значения для развития русского историко-литературного и в целом историко-культурного процесса;

фундаментального исследования религиозно-этических, социально-исторических и эстетических основ творчества поэта в их единстве;

историко-литературной реконструкции художественной модели мира Лермонтова в её внутренних связях и взаимодействиях личного духовно-душевного опыта с христианской традицией.

До сих пор в отечественном и зарубежном литературоведении, несмотря на пристальный интерес к вопросу духовно-нравственных основ русской литературы, до конца не осмыслен религиозно-философский потенциал творчества Лермонтова, которое явилось выражением высоких устремлений человека к вечным ценностям личностного и социального бытия. На рубеже тысячелетий узловые проблемы лермонтовского творчества – исторический путь России, идеи державы, индивидуальности религиозного выбора человека и ответственности за него, борьбы добра и зла как основного содержания исторического процесса – для культурного сознания приобретают особую актуальность.

Степень научной разработанности проблемы.

Вопрос о диалоге поэта с ценностной шкалой христианской культуры и о целостности его религиозно-философского мирозерцания, хотя поднимался ещё современниками Лермонтова, до сих является недостаточно изученным.

XIX века характеризовался особой противоречивостью в оценке Лермонтова, но наиболее ценными представляются те исследования, которые рассматривают творчество поэта в контексте историко-литературного процесса и отмечают его высокий духовно-нравственный потенциал. Ведущее место здесь принадлежит В.Г. Белинскому, заявившему, что «уже не далеко то время, когда имя его (*Лермонтова – И.К.*) в литературе сделается народным именем»¹. Силу и величие таланта Лермонтова Белинский во многом видел именно в постановке и решении поэтом вопросов религиозно-философского содержания.

Волна интереса к Лермонтову в начале XX века была поднята в символистских кругах. А. Белый, Д.С. Мережковский, Вяч. Иванов, Вл.С. Соловьёв обратились к метафизическим основам лермонтовской поэзии и имели тенденцию к определению системности поэтического мира Лермонтова, однако их исследования в равной степени характеризовали и «провидческие» идеи самих авторов. Определённый этап в изучении поэта ознаменовал юбилейный сборник «Венок Лермонтову» (М.; Пг., 1914), где были опубликованы оригинальные статьи П.Н. Сакулина, Н.Л. Бродского, И.Н. Розанова, С.В. Шувалова, не носившие однако универсального характера и ограничившимися указанием на религиозные мотивы в поэзии Лермонтова. Особый интерес вызвал Лермонтов у представителей Русского Зарубежья. Б.К. Зайцев, В.Н. Ильин, И.А. Ильин, К.В. Мочульский акцентировали светлую религиозность Лермонтова и силу его молитвенных настроений, преодолевающую соблазны демонизма.

Достижением литературоведения середины и второй половины XX века (работы В.Э.Вацура, Э.Г. Герштейн, Л.Я. Гинзбург, А.И. Журавлёвой, В.И. Коровина, С. В. Ломинадзе, Б. М. Эйхенбаума, У. Р. Фохта, Д.Е. Максимова, Е. Н. Михайловой, В.А. Мануйлова, Е.М. Пульхритудовой, И.Б. Роднянской и др.) стали попытки рассмотрения творчества Лермонтова исходя из общенаучных принципов системности, конкретности и историзма. Исследования второй половины XX века активно вовлекали творчество поэта в широкий культурно-исторический процесс и часто не исключали постановку проблем религиозно-философского характера. Литературоведы советского периода акцентировали диалектическое единство художественного мира

¹ Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова// Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. Л., 1941. С. 205.

Лермонтова и системность его мирозерцания. Так, Д.Е. Максимов прямо советовал извлекать взгляды М.Ю. Лермонтова «не только из его прямых высказываний (в прозе и стихах), но также – и даже в первую очередь, – из его художественной системы»²,

Тенденция к рассмотрению системности творчества Лермонтова прослеживается и в исследованиях XXI века. Докторские диссертации Л.В. Жаравиной, С.В. Савинкова, В.В. Липич, Т.К. Чёрной, акцентируют вопрос своеобразия художественной системы Лермонтова в её онтологических основаниях. Изучению религиозно-философских основ творчества поэта посвятили свои труды такие современные исследователи, как В.Н. Аношкина, монах Лазарь (В.В. Афанасьев), Г.Б. Буянова, Г.Е. Горланов, М.М. Дунаев, О.П. Евчук, игумен Нестор (В.Ю. Кумыш), Ю.В. Лебедев, В.М. Маркович, А.В. Моторин, В.Г. Одинокоев, Т.И. Радомкая, В.И. Сиротин, В.Ю. Троицкий, И.П. Щелбыкин. Названные исследователи видят в творчестве Лермонтова не просто наличие религиозно-философских мотивов, но и последовательность их выражения, считая, что его философичность и религиозность растворена «в форме и внутреннем смысле художественного слова»³. Важным событием в современном лермонтоведении стало издание сборника трудов «Лермонтов и Православие» (М., 2010), в котором поставлены вопросы «онтологических и этических идейных исканий и убеждений»⁴ Лермонтова.

Современное лермонтоведение уделяет много внимания изучению религиозных и философских мотивов в творчестве Лермонтова, а также осмыслению универсалий его художественного мира, однако фундаментального исследования религиозных, историософских, этических и эстетических воззрений Лермонтова в их единстве, явленном индивидуальной художественной системой, не существует. Кроме того, до сих пор отсутствует и концептуально выстроенная историография по изучаемой проблеме.

Научная новизна исследования связана с тем, что

- 1) значительно расширен историко-культурный контекст лермонтовских произведений, для анализа творчества поэта привлекаются труды богословов и светских религиозных

²Максимов Д.Е. Об изучении мировоззрения и творческой системы Лермонтова. Л., 1964. С. 10.

³Евчук О. Религиозно-философские парадигмы поэзии М.Ю. Лермонтова // Лермонтов и Православие. М., 2010. С. 266.

⁴Аношкина В.Н. Религиозные добро и зло в поэме «Демон» // Лермонтов и Православие. М., 2010. С. 291.

мыслителей, в научный оборот историко-литературной науки вводятся малоизвестные публикации в периодике лермонтовского времени искусствоведческого и философского характера;

- 2) по-новому осмыслены многие лермонтовские произведения, посредством текстологического, интертекстуального, герменевтического анализа вскрыт их символический подтекст и выявлены новые духовные смыслы;
- 3) впервые проведена научная оценка религиозно-философских взглядов Лермонтова; целостно обозначены основные аксиологические контуры его творческого наследия; представлена полная характеристика этических, эстетических, а также гносеологических принципов Лермонтова и форм их реализации в системе художественных образов;
- 4) впервые воссоздана художественная модель мира Лермонтова, отражающая духовную эволюцию поэта, связанную с процессом становления личности в рамках христианской ценностной шкалы и достижением гармонии между своими чувствами, стремлениями, настроениями и идеалами православной культурной общности.

Объектом исследования является художественное творчество Лермонтова в контексте христианской культуры в ее этико-эстетических, гносеологических и собственно онтологических основаниях.

Предметом исследования стало творчество Лермонтова как художественно выраженная религиозно-философская система.

Теоретическая и практическая значимость научного исследования связана с недостаточной изученностью духовно-религиозных и философских основ русской поэзии первой трети XIX века и обусловлена необходимостью изучения творческого наследия Лермонтова, как феномена, порожденного духовно-культурной жизнью нации. Значение исследования определяется тем, что выводы, полученные в результате анализа материала, вносят вклад в изучение как своеобразия творческой личности Лермонтова, так и феномена русского романтизма и русского историко-литературного процесса в целом. В результате проведённой работы обновлены базисные принципы изучения словесного произведения искусства и творческой индивидуальности

писателя в контексте сформировавшей его духовно-культурной традиции. Исследование предполагает как теоретическую, так и практическую значимость и направлено на методологическое обоснование путей возрождения традиционной для отечественной культуры системы ценностей. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе по профилю «Филологические науки и искусствоведение» при чтении курсов истории русской литературы, введения в литературоведение, теории литературы.

Цель работы – создание целостной концепции творчества Лермонтова как динамично развивающейся художественной модели мира, в основе которой лежит религиозно-философский и эстетический диалог поэта с ценностной шкалой христианской культуры.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) обосновать необходимость и возможность изучения творчества Лермонтова как религиозно-философской системы;
- 2) провести сравнительный анализ базовых теоретико-методологических принципов изучения религиозно-философских основ русской литературы и осуществить их методологический синтез при рассмотрении творчества Лермонтова;
- 3) охарактеризовать особенности художественного феномена творчества Лермонтова в его религиозно-философских основаниях; исследовать становление и динамику развития лермонтовской образной системы, понятой как синергия опытно-мистического и собственно художественного познания;
- 4) определить онтологию пейзажных образов в творчестве Лермонтова, этическую, эстетическую и гносеологическую роль ландшафта в становлении и развитии лермонтовского самосознания;
- 5) раскрыть особенности религиозности Лермонтова в ее обусловленности культурно-исторической и социальной обстановкой времени духовного становления поэта, определить истоки формирования его религиозной этики и формы её художественного воплощения;

- 6) выявить патриотический потенциал творчества Лермонтова, духовно-нравственные и социокультурные причины его обращения к исторической памяти; исследовать художественную историософию Лермонтова как форму представлений поэта о развитии общества;
- 7) реконструировать лермонтовскую художественную модель мира в её динамике и эволюции.

Методология исследования основана на культурно-историческом, художественно-эстетическом и аксиологическом принципах, которые являются базовыми для историко-литературной науки. При анализе лермонтовской поэзии в религиозно-философском аспекте продуктивными оказываются также биографический, герменевтический, историко-генетический, духовно-исторический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, метафизический, онтопоэтический, этнопоэтический, интертекстуальный и текстологический методы.

Традиционно, начиная с работ В.Г. Белинского, В.О. Ключевского, П.А. Висковатого творчество Лермонтова осмысливалось как плод русского национального мироощущения, преломленного опытом начала девятнадцатого столетия. Неотъемлемым признаком эпохи 1830-х годов явилась рефлексия, которая, будучи включенной в религиозно-философский контекст, дает возможность понимания сущего. Рефлексия, являясь связью между пониманием образа и самопониманием, позволяет «реинтегрировать семантику в онтологию»⁵ (Поль Рикер), допускает многоплановость текста, возможность как буквального, так и духовного его понимания.

Результаты данного исследования доказывают, что лермонтоведение обладает большим потенциалом для развития подобного подхода и основу его методологии должны составить герменевтическое прочтение произведений и, набирающий силу в последнее десятилетие, аксиологический метод (В.Н. Аношкина, И.А. Есаулов, В.Е. Хализев и др.). Именно методологические находки этих направлений оказываются наиболее плодотворными при изучении лермонтовского творчества как целостной религиозно-философской системы.

Особый интерес при осмыслении заявленной темы представляют исследования, посвящённые изучению проблемы взаимодействия литературы и философии, литературы и религии. В первую очередь,

⁵ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 24.

здесь необходимо отметить труды таких авторов, как В.Н. Аношкина, В.В. Афанасьев, Т.К. Батурова, М.М. Бахтин, В.А. Воропаев, Д.В. Долгушин, А.Э. Еремеев, И.А. Есаулов, В.Н. Захаров, Т.А. Касаткина, А.С. Колесников, Т.А. Кошемчук, В.Ю. Кумыш, Г.В. Косяков, А.В. Михайлов, А.В. Моторин, В.С. Непомнящий, В.Г. Одинокоев, Т.И. Радомская, Ю.И. Сохряков, Б.Н. Тарасов, В.Ю. Троицкий, В.Н. Топоров, А.Н. Ужанков, М.Н. Abrams, Е.С. Allen, S. Pratt, J. Babbit, A. Mlikotin. В их исследованиях реализуется задача духовно-культурного диалога различных областей научного гуманитарного познания.

В ходе исследования выработана методология изучения творчества Лермонтова как художественного и религиозно-философского феномена русской культуры. Особое внимание уделено проблеме интеграции литературоведческой, богословской и философской методологий, истоки данного методологического синтеза коренятся в протофилософичности патристической мысли, открывающей современной филологической науке новые пути к изучению художественных произведений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Творчество Лермонтова являет собой синтез художественного, философского и опытно-мистического путей познания и в своих духовно-культурных основаниях может быть рассмотрено как образно выраженная религиозно-философская система.
2. Современный этап развития литературной науки требует интеграции различных форм и методов гуманитарного знания; при изучении художественного наследия Лермонтова как религиозно-философской системы основу должен составить герменевтический подход, подразумевающий постижение внутренней логики творящего субъекта и выявление ценностных доминант его творчества.
3. Внутренний мир Лермонтова обладает динамикой, и духовная эволюция поэта, краеугольным камнем которой является опытно-мистическое переживание свободы, связана с победой онтологического над опытно-психологическим и утверждением абсолютной ценности веры в божественное первоначало; образный мир творчества Лермонтова передаёт полноту духовных исканий личности автора, являясь и констатацией, и отражением самого становления его мирозерцания.

4. Лермонтовское восприятие природного мира в его пространственно-временной наличности предстаёт в многообразии поэтических пейзажей, которые, являясь опытной формой самопознания поэта, раскрывают и объективный духовный смысл природных ландшафтов; пейзажный мир поэзии Лермонтова составляет целостную религиозно-философскую концепцию.
5. «Нервом» художественной системы Лермонтова является религиозная этика, которая имеет высокий мироустроющий смысл и определяет развитие истории; условием нравственного бытия в восприятии Лермонтова становится живая историческая память и тоска по идеалу богочеловечества в его жертвенности и уподоблении ангельскому образу; духовно-нравственный идеал поэта выражается не только буквально семантически в констатации идеала и обличении порока, но и через эстетику художественного пространства, при помощи композиционно-смысловой организации произведений, образных деталей и сравнений.
6. Земная история в творчестве Лермонтова предстаёт как часть истории божественной; важнейшим пунктом формирования его мировоззрения становится идея Москвы – Третьего Рима; эсхатологизм лермонтовской эпохи актуализирует идею богоизбранности русского народа; творчеству Лермонтова, лично переживающего мир в его объективности, свойственны мессианские мотивы.
7. Художественная модель мира, созданная Лермонтовым, есть результат творческого восприятия бытия в его психологических, социальных, исторических и собственно культурных проявлениях; динамика внутренних связей художественного мира Лермонтова отражает процесс становления личности, ищущей и достигающей соответствия между своими чувствами, стремлениями, настроениями и христианскими идеалами.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты исследования были отражены в монографиях, учебных пособиях, научных статьях, опубликованных по теме диссертации, а также в научно-технических отчётах по государственным контрактам с Министерством образования и науки РФ в рамках ФЦП

«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (ГК №П2406 от 18 ноября 2009 г.: «Религиозно-этический и философский потенциал поэзии М.Ю. Лермонтова»; ГК №П2198 от 09 октября 2009 г.: «Человек и общество: проблема духовно-нравственных идеалов русской романтической литературы»; ГК № 14.740.11.0562 от 05 октября 2010 г.: «Личность и творчество русских писателей-классиков как мера методологического становления и развития историко-литературной науки»). Апробация результатов проводилась в ходе чтения лекционных курсов (и разработке соответствующих учебно-методических комплексов) по введению в литературоведение, истории русской литературы, теории литературы, эстетике в Московском государственном областном университете. Результаты исследований представлялись на всероссийских и международных научных конференциях (международная научная конференция «Русское литературоведение на современном этапе», Москва, 2000-2011 гг.; всероссийская научная конференция «Духовный потенциал русской классической литературы», Москва, 2007; всероссийский научный семинар «Современное прочтение русской классической литературы XIX века», МГОУ, 2007; международная научная конференция «Лермонтовские чтения на Кавказских Минеральных Водах – 2010», Пятигорск; международные научные «Лермонтовские чтения», М., 2009-2011 гг.; международная научная конференция «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения»), Великий Новгород, 2009; Международные Рождественские чтения, Москва, 2008-2010 гг.; всероссийская научно-богословская конференция «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России», Москва – Саров – Дивеево, 2006-2007; Всероссийский Оптинский форум «Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции», Москва – Калуга, 2009-2010 гг.; Всероссийская научно-практическая конференция «Филология и школа», Москва, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2010 г.; международная научно-методическая конференция «Текст в системе обучения русскому языку и литературе», Казахстан, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; 2011 г.) и др.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, определены предмет, цель и задачи исследования, степень научной разработанности проблемы, её теоретическая и практическая значимость, дана общая характеристика методологических принципов исследования творчества Лермонтова как образно выраженной религиозно-философской системы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Изучение творчества Лермонтова как религиозно-философской системы: проблемы методологии» русская классическая литература рассматривается как уникальное явление, вызвавшее к жизни русскую религиозную философию. Утверждается, что русская философия зарождалась именно в недрах литературной критики XIX века с её духовно-нравственной заостренностью, вызванной как самой национальной природой и культурой, так и, что естественно вытекает из первого, сутью словесного творчества русских писателей, в ряду которых Лермонтов занимает одно из ведущих мест.

Уже при жизни Лермонтова литературная критика отметила философичность его творчества. Особая заслуга здесь принадлежит В.Г. Белинскому, открывшему глубокий философский смысл произведений поэта. Уже при жизни Лермонтова (так остается и до сих пор) наметились два противоположных лагеря в истолковании духовного смысла его произведений - одни принимают поэта и видят в его творчестве постижение глубочайших основ бытия человека и путей развития социума, другие настроены оппозиционно и рассматривают его произведения, прежде всего роман «Герой нашего времени», почти как учебник безнравственности и демонизма, но, в любом случае, интерес исследователей сосредоточен на духовно-нравственной, философской проблематике. Это касается и одного из главных «неприятелей» лермонтовского творчества С.О. Бурачека. Критикуя современную ему литературу, Бурачек утверждает, что ей не хватает «философского общего смысла, религиозности и народности»⁶. В статье «Система философии "Отечественных записок"» (Маяк. 1840. Ч. 9. Гл. 4. С. 1—48) Бурачек говорит, что у Лермонтова отсутствует «дух любви», это и является причиной порочности его творчества. Таким образом один из первых и ведущих ракурсов рассмотрения лермонтовского творчества был ракурс именно этический, и это оправданно, этика и есть нерв русской поэзии и русской мысли. Но если, например, у С.О. Бурачека и С.П. Шевырева этицизм в случае с Лермонтовым оборачивался морализаторством, то есть готовые идеи просто «накладывались» на

⁶ Бурачек С.О. Книги литературные// Маяк. 1840. Ч. 4. Гл. 4. С. 201.

лермонтовские произведения, то В.Г.Белинский исходил из самого художественного мира произведения, который обладает особой пространственно-временной структурой и в котором действуют свои законы. В изображении порочности Печорина критик усматривал прежде всего обличающую силу таланта Лермонтова, способную придать произведению этическое содержание. Философичность литературно-критических работ Белинского – это уже философичность истинная, претендующая на системность, органичность и обусловленность сутью русской жизни и культуры.

Отрицательно отнеслись к произведениям Лермонтова критики, видевшие в поэте лишь «талантливый подражатель» (С.П. Шевырѐв), тогда как для понявших самобытность поэта и цельность его художественного мира, который есть самосознающая себя жизнь, его поэзия стала источником как личностного роста, так и развития философско окрашенной литературно-критической мысли. Именно сочетание художественного таланта Лермонтова (как эпифеномен) и литературно-критического таланта Белинского (как феномен по отношению к творчеству Лермонтова) явились одним из мощнейших центров, вызвавших к жизни русскую религиозную философию, и русскую философскую критику в частности.

Помощь в осмыслении творчества Лермонтова как религиозно-философской системы в значительной мере оказывают представители биографической и культурно-исторической школ, изучающие духовную обстановку, православный быт и культурно-исторические условия формирования личности Лермонтова. Это работы П.А. Висковатова, который раскрывает сферу общения и формирования поэта, Н.Т. Дашкевича, И.И. Замотина, Н.А. Котляревского, Я.Н. Ктитарева, П.Г. Перцова, П.Н. Сакулина, Л.П. Семенова, С.Н. Сыромятникова, С.В. Шувалова. В их исследованиях в основном говорится о примирительных тонах поэзии Лермонтова, и внимание акцентируется на «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837), стихотворениях «Ангел» (1831), «Спор» (1841) и текстах молитвенного содержания. Как правило, авторы работают с буквальным смыслом произведений и видят в них гармонию внутреннего мира Лермонтова, тон смирения и любви по отношению к миру и Творцу. Биографическая и культурно-историческая методология данных исследователей сочетается с религиозным подходом, интерес к которому обострился и в последнее время, дав направление новому методу – религиозной филологии, которая, однако, на данном этапе не получила однозначной оценки и может быть рассмотрена как метод, находящийся в становлении и ждущий еще терминологической оформленности. Элементы этой методологии, сходной с методом

этнопоэтики и недостаточно дифференцированной от нее на современном этапе развития науки, представляются наиболее продуктивными при изучении русской протофилософии, явленной в художественной системе Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Достоевского. Религиозное литературоведение, имеющее глубокие корни в русской традиции осмысления словесного произведения, сегодня может с успехом использовать методологические находки религиозно-философской мысли начала XX века. Кроме остро негативной оценки со стороны В.С. Соловьева, Лермонтов оценивается в трудах религиозно настроенных символистов как автор, особенно отвечающий духу времени и являющийся предтечей современных настроений в литературной жизни. Д.С. Мережковский, А. Белый, Вяч. Иванов, представляя различные концепции творчества Лермонтова, сходятся в том, что его мироощущение окрашено опытом вечности и ему присущ особый тип высокой любви.

На современном этапе развития литературной науки актуально обращение к метафизическому подходу, который обозначился в трудах И.А. Ильина, Г.П. Федотова, С.Л. Франка. Русские мыслители дали образцы анализа художественного текста с точки зрения его духовного содержания. При изучении творчества Лермонтова как религиозно-философской системы в сфере внимания оказывается как основная философски насыщенная тема произведения, так и духовное наполнение картин природы, или глубокий смысл литературных диалогов, а также философские утверждения афористического характера. Основанный на принципах историзма (в частности, у Г.П. Федотова), пророчества и социальной актуальности (в высокой степени у И.А. Ильина) метафизический метод в применении к литературному творчеству позволяет выявить актуальность религиозной жизни нации в конкретном художественном произведении.

Особые перспективы изучения художественного творчества Лермонтова как религиозно-философской системы открывает герменевтический подход. Этот универсальный метод в области гуманитарных наук оказывается особенно востребованным в современном мире, обратившемся к синтезу достигнутого человеческим познанием. В традиции античной классической и библейской герменевтики особое внимание уделяется мысли, что один и тот же текст, с его укорененностью в бесконечности Абсолюта, может иметь несколько смыслов, которые, являясь в символическом образе, наслаиваются друг на друга, однако целостность понимания достигается лишь постижением внутренней логики творящего субъекта. И святоотеческая (св. Климент Александрийский, св. Григорий Нисский и др.), и «новая» герменевтика (Ф.Д.Э. Шлейермахер, Г-Х. Гадамер, П.

Рикёр) подчиняют свои исследования ведущей идее, что реализуется во всем текстовом материале творящего субъекта.

Лермонтовские произведения целесообразно рассматривать как в собственно его художественной системе, так и в системе систем, которая являет собой широкий духовно-культурный фон, образованный, во-первых, романтическим стилем в плане эстетическом, во-вторых, «русской жизнью» с ее ведущим панэтическим смыслом, в-третьих, «русской идеей» как ведущей идеологией и, в-четвертых, текстами Священного Писания и Предания на уровне онтологическом. Герменевтический анализ оказывается близок и духовно-историческому методу, сложившемуся в Германии в начале XX века, который, собственно, и являет собой «дильтевскую герменевтику»⁷. На современном этапе развития науки для изучения русской литературы целесообразна выработка новой методологии, основанной на культурном опыте герменевтики и связанной с постижением феномена русской литературы, вызвавшей к жизни эпифеномен русской религиозной философии.

Т.А. Кошемчук одной из важнейших задач современного литературоведения считает выявление живительной связи «литературного явления с его духовной первоосновой»⁸. Подобное осмысление творчества М.Ю. Лермонтова наметилось в трудах В.В. Афанасьева, В.Н. Аношкиной, О.П. Евчук, Л.В. Жаравиной, иеромонаха Нестора (В.Ю. Кумыша), А.В. Моторина, В.Г. Одинокова, Т.И. Радомской, И.П. Щелбыкина и некоторых других литературоведов.

В 1990-х годах исследователи В.Н. Аношкина, В.В. Афанасьев, И.А. Виноградов, В.А. Воропаев, О.П. Евчук, И.А. Есаулов, Л.В. Жаравина, В.Н. Захаров, В.В. Ильин, В.А. Котельников, Т.А. Кошемчук, А.В. Моторин, В.С. Непомнящий, В.А. Свительский, Б.Н. Тарасов, В.Е. Хализев, начинают развивать идеи ценностного изучения литературы в ее христианском содержании. И.А. Есаулов полагает, что должно развиваться литературоведение, которое «совпадало бы в своих основных аксиологических координатах с аксиологией объекта своего описания»⁹. Учёные этого направления акцентируют христианские истоки и обращаются к проблемам православной антропологии. В.Н. Захаров пишет: «...русская литература в полной мере восприняла и усвоила христианскую концепцию человека в том виде, в каком она сложилась в Православии. Идеи спасения,

⁷ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. Стб. 257.

⁸ Кошемчук Т.А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб., 2006. С. 16.

⁹ Есаулов И.А. «Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1998. С. 382.

страдания, искупления и преображения определили ее духовный пафос»¹⁰.

Литературоведческая аксиология подчёркивает важность идеала единения Истины, Добра и Красоты, художественные произведения рассматриваются как «сокровищница» духовно-нравственного опыта. Главное же то, что ценностный подход обязывает проникать в самосознание писателя, определять его духовно-нравственное состояние.

Предложенные методы в своей совокупности, а также при следовании общенаучным принципам системности, конкретности и историзма обеспечивают объективное и результативное изучение религиозно-этического и философского потенциала поэзии Лермонтова, постижение его поэтического мира как религиозно-философской системы.

В центре *второй главы «Метафизические основы творчества Лермонтова»* стоит проблема своеобразия Лермонтова как творческой личности, осуществляющей процесс познания бытия и постижения смысла жизни. Под предметом метафизики в классической традиции подразумевается постижение глубинных сверхчувственных причин явлений бытия. При подобном понимании метафизики она приобретает особое значение и при познании бытия в целом, и при познании человеком себя, и, что вытекает из предыдущих положений, при изучении творчества, которое есть проявление личности художника-творца в созданной им художественной картине мира.

И.А. Ильин говорит о созерцании как о ведущей силе гения Лермонтова. Под способностью к созерцанию философ усматривает «некую повышенную впечатлительность духа: способность восторгаться всяческим совершенством и страдать от всяческого несовершенства»¹¹. Созерцание, – пишет И.А. Ильин, – «есть некая обостренная отзывчивость на все подлинно значительное и священное как в вещах, так и в людях. Душа, предрасположенная к созерцанию, как бы непроизвольно пленена тайнами мира и таинством Божиим; и жизнь ее проходит в интуитивном переживании их»¹². Св. Григорий Палама видел в даре созерцания действие божественной благодати на человека, которая открывает ему «божественную тайну Креста»¹³; реализация этого высокого дара сопровождается борьбой божественного и

¹⁰ Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 25.

¹¹ Ильин И.А. Талант и творческое созерцание// Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М., 1993. С. 271.

¹² Там же.

¹³ Беседы (омилии) святителя Григория Паламы. Ч.1. М., 1993. С. 751

человеческого внутри личности. Прп. Исаак Сирий говорил: «В какой мере не имеет душа достаточных сил для великих искушений, в такой же она недостаточна и для великих дарований: и как возбранен к ней доступ великим искушениям, так возбраняются ей и великие дарования»¹⁴. Это верно и применимо к феномену Лермонтова: творчество поэта пронизано как божественными откровениями, так и мотивами демонизма, которые, однако, не являются доминирующими, а предстают именно как искушения на пути человека к познанию себя и Бога.

Прп. Исаак Сирий писал: «Два есть способа взойти на Крест: один – распятие тела, а другой – восхождение в созерцание; первый бывает следствием освобождения тела от страстей, а другой – следствием действенности сил Духа»¹⁵. Противопоставляя, по классификации Г.П. Федотова, два типа художественного творчества – первый подчинён Логосу, второй Духу (и хотя их сложно чётко разграничить друг от друга, но момент преимущества одного из них явлен всегда) – путь Лермонтова следует отнести ко второму, который отнологически близок созерцательному началу и связан с действенностью «сил Духа».

Действия животворящего Духа Божия в природе проявлялись через стихию. Древнегреческие философы – Фалес, Анаксимен, Гераклит – угадывая в воде, воздухе и огне первоначала, были во многом правы. Размышляя над феноменом стихии, Г.П. Федотов писал: «<...> вода кажется противоположной огню в холоде и влажности, но в стихийной мощи своей океан созвучен грозе и ветру, как они, неподвластен форме. В воду крещения нисходит огонь Святого Духа»¹⁶. Ощущением божественности стихии дышит и творчество Лермонтова. Его раннее стихотворение «Крест на скале» (1829(30)), где поэт говорит о том, что знает «в вершине Кавказа» скалу, на которой виднеется Крест Христов, и о своем стремлении «взойти» «туда», заканчивается стихом «И с бурей братом назвался бы я». Достижение вершины горы и пространственное приближение к Кресту Господню кажется поэту целью жизни и равнозначны для него сроднению со стихией. Г.П. Федотов размышлял: «<...> в огне и буре открывается человеку не только мощь разгневанного Божества, но и вдохновляющая сила Божия, исполняющая его трепетом и восторгом. Израильтяне трепещут вокруг опоясанного молниями Синая, но пророки – в огне и грозе слышат голос Божий»¹⁷. Талант Лермонтова не просто талант художника, но талант художника-

¹⁴ Добротолубие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Т. 2. С. 734.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Федотов Г.П. О Святом Духе в природе и культуре// Федотов Г.П. Сочинения: в 12 тт. Т. 2. М., 1998. С.234.

¹⁷ Там же. С.234.

пророка, постигающего в своем творчестве духовные смыслы явлений прошлого, настоящего и будущего, открывающего глубины бытия и тайны тварного мира. Для художественного творчества Лермонтова характерна особая энергия, причиной этой особенности является установка поэта на необходимость действенности поэзии, её прямого влияния на жизнь общества и человека. Для Лермонтова поэзия – не просто форма прекрасного, но форма выражения душевных устремлений. Стихотворения Лермонтова – это и живая молитва к Богу, и живой диалог со своим поколением, и наполненное душевной болью размышление о своём месте и назначении в мире; и в любом случае они всегда духовно напряжены, так как являют собой саму жизнь.

Поиск единения со стихией является лейтмотивом лермонтовского творчества, звучит он и в его знаменитом стихотворении «Парус», которое заканчивается стихами: «А он мятежный просит бури, // Как будто в бурях есть покой!». Старший современник Лермонтова, преподобный Серафим Саровский, напоминает, что в «день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им (апостолам) Духа Святого в дыхании бурне»¹⁸. В буре в день Пятидесятницы действительно явлен покой, ибо послан Дух Утешитель. Знаковым для Лермонтова является образ плывущего в море корабля, который в христианской традиции является образом Храма Божьего – Церкви, которая есть «плокой Духа Святого». В святоотеческой традиции плавание на корабле истолковывается как образ богопознания, поэзия периода романтизма (см., например, «Пловец» (1812) В.А. Жуковского, «Пловец» (1830) Н.М. Языкова и др.) также представляет плавание на корабле как путь к обретению некоего блаженного состояния, связанного с узрением райской, блаженной страны. В.А. Жуковский в стихотворении «Пловец» прямо называет «Провиденье» «<тайны>м <кормщик>ом». Но если Жуковскому райская страна открывается через преодоление бури, то Лермонтов в самой буре пытается обрести покой. Гармонично состояние паруса в одноимённом стихотворении Лермонтова, но оно не есть блаженство, так как является только образом внешнего мира. Рай для Лермонтова определяется внутренним состоянием, сердечным чувством.

Святитель Григорий Палама рассуждает о тайне Креста, полагая, что первая ее ступень «заключается в бежании от мира», «когда украсим и очистим нашего внутреннего человека, изыскивая скрытое в нас самих божественное сокровище и вновь рассматривая находящееся нас внутри Царствие Божие, тогда мы распинаем себя миру и страстям.»¹⁹. Именно

¹⁸ Беседа старца Серафима с Н.А.Мотовиловым о цели христианской жизни // Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. С.364-365.

¹⁹ Беседы (омилии) Святителя Григория Паламы. М., 1993. Ч.1. С.107.

«бежание мира» является одним из ведущих мотивов поэзии Лермонтова («Из городов бежал я, нищий» («Пророк» (1841)), этот мотив сродни мотивам странничества, одиночества, скитальчества, поиска родной души, которые определяют один из основных мотивов лермонтовской поэзии. В беседе «О молитве и чистоте сердца» святитель Григорий Палама размышляет: «Когда единичный ум бывает тройственным, тогда он соединяется с Богоначальной Тройческою единицей. Бывает же единичный ум тройственным, пребывая <...> в возвращении к себе самому и в восхождении чрез себя к Богу»²⁰. И.И. Семаева пишет, что «это круговое движение ума означает, что человек совершает прорыв из себя навстречу Богу, и этот прорыв не интеллектуальный, не следствие земной мудрости, а в этом «выходе» из себя человек участвует во всей целостности, восстановленной трудами ума и сердца»²¹. Начинается «кружение» с ощущения непостижимости Бога в мире, с духовного витания «над всеми противоположностями» (С.Л. Франк). В стихотворении «Парус» Лермонтов и реализует идею выхода, в частности, из цветовых противоположностей мира. В принципе, все стихотворение «Парус» строится на антиномиях романтической эстетики. М.М. Гиришман перечисляет их: «буря» и покой», «далекая страна» и «родной край», «движение к чему-то и от чего-то, обретения и потери»²². И.И. Семаева полагает, что «из этого чувства «инаковости» рождается противоположное ощущение глубочайшего внутреннего сходства с Божеством. Это сходство между символом и тем, что он символизирует, просвечивание непостижимого в конкретном облике всех явлений и сторон бытия»²³. Иллюстрацией этого положения может стать и стихотворение Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837), энергетическим центром которого является мотив узрения Бога через видение мира земного. В Нагорной проповеди Иисус Христос говорит: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 6; 8). Сердце, являясь средоточием личности, сокровищницей духа, вмещает в себя и страсти по своему сродству со стихийностью. И только очищенному посредством трагизма и страданий от страстей сердцу открывается божественное видение. В стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» перед нами вариант стихии, в которой нет смерти, более того, которая есть сама жизнь. С.А. Ломинадзе, анализируя стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...», писал, что «светлые минуты» непосредственно изображены, они живописуются в стихотворении, картина, созданная здесь Лермонтовым, «словно бы

²⁰ Там же. С.124.

²¹ Семаева И.И. Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XX века. М., 1993. С.146.

²² Гиришман М.М. «Парус» / Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. - С.367.

²³ Семаева И.И. Указ. соч. С.87.

залита солнечным светом»²⁴. В иконописи золотой фон является образом Царствия Небесного, а именно этот образ и представляет Лермонтов в своём программном стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...», явившемся свидетельством примирения поэта с Богом и открывающем читателям чистый источник жизни и вдохновения – преобразённую одухотворенную природу.

Лермонтов, как человек обладающий даром созерцания, служащим ведущей силой его гения, за внешними явлениями бытия способен усматривать их метафизический смысл. Художественное творчество Лермонтова может быть определено как символический реализм, связанный с синтезом художественного и опытно-мистического путей познания.

Объектом *третьей главы* «Религиозная натурфилософия Лермонтова как форма самопознания» стали пейзажные образы в поэзии Лермонтова. Исходя из положения, что Лермонтов как истинный поэт, то есть, человек обладающий даром созерцания, не просто изображает поверхность явлений, но «проникает в их сокровенную сущность», «не просто «наблюдает обстоятельства» (быт!), но созерцает скрытые за ними существенные «обстояния» (бытие!)»²⁵, поэтические пейзажи, созданные Лермонтовым, анализируются и как выражение его внутреннего мира, и как открытие объективного смысла «тайн природы». Созданная Лермонтовым картина поэтических пейзажей рассматривается в свете высказываний религиозных мыслителей и философов уподобляющих мир природы Святому Евангелию. Св.Максим Исповедник полагает, что Господь открывается человеку как в Слове Божьем, так и в мире природы²⁶. Также и св. Григорий Богослов говорит, что «небо, земля, море, словом – весь сей мир, сия великая и преславная книга Божия, в которой открывается самым безмолвием проповедуемый Бог»²⁷. Богословский смысл пейзажа постигал и современник Лермонтова – архиепископ Иннокентий Борисов (о связях его сочинений с поэзией Лермонтова пишет монах Лазарь (В.В. Афанасьев)²⁸. Наиболее же известны и популярны в литературных кругах лермонтовского времени были размышления теоретика

²⁴ Ломинадзе С.А. Диалог с небом. 1837 год / Классики и современники. М., 1989. С. 229

²⁵ Ильин И.А. Талант и творческое созерцание// Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М., 1993. С. 271.

²⁶ Творения св. отца нашего Максима Исповедника. Сергиев Посад, 1916.

²⁷ Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Изд. 3-е. Ч.1. М., 1889. С.187.

²⁸ Лазарь (В.В. Афанасьев), монах. «На высотах духа. Горы в сочинениях М.Ю. Лермонтова» // М.Ю. Лермонтов и Православие. Сборник статей о творчестве М.Ю. Лермонтова. М., 2010. С. 280-290.

романтизма Ф.В.Й. Шеллинга, выразившего аксиому религиозной натурфилософии романтизма: «У нас есть более древнее откровение, чем всякое писанное откровение: это природа, заключающая в себе прообразы, не истолкованные еще ни одним человеком, тогда как предсказания писанного откровения уже давно получили осуществление и истолкование»²⁹.

«Пейзаж как понятие, - пишет Н.П. Тарабукин, - представляет собою художественный образ, через который художник раскрывает в природе божественную сущность, которая сама, в свою очередь, раскрывается в значительной мере через познание человеком в самом себе божественной жизни»³⁰, то есть «идея Бога раскрывается человеку через самопознание»³¹. Отталкиваясь от тезиса, что «мы не можем познать сущность другого вне самопознания», исследователь утверждает, что идея Бога, явленная в природе «раскрывается человеку через самопознание», и сама природа познаётся человеком посредством его самопознания. То есть художественный пейзаж является и образом истолкования духовного смысла природы, и путём постижения человеком самого себя. Наряду с тем, что в русском искусстве 1830-х годов пейзаж становится одним из излюбленных живописных жанров и к изображению пейзажа активно обращаются поэты-романтики, для литературной жизни характерно и особое внимание к постановке проблемы самопознания; и, как отмечает В.Н. Касаткина (Аношкина), русские поэты «активно выдвигали задачу самопознания не только в целях нравственного совершенствования личности, но и прикосновения к абсолютным началам бытия»³². Поэтов первой трети XIX века неизменно привлекал XIV псалом, связывающий воедино процессы очищения души, самопознания и, как итог, богопознания; это соединение выразилось в образе восхождения к вершине горы. В новозаветных текстах подобный образ встречается и у апостола Павла: «Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого» (Евр. 12:22). Т.К. Батурова, исследуя переложение этого псалма Н.М. Языковым (публикация в альманахе «Денница», 1831 г.), говорит, что «псалом XIV кратко и строго определил путь к Богу, обозначив важнейшие нравственные ценности»³³.

При изображении горного ландшафта Лермонтов выражает не только умилительную чистоту пространства, означающую присутствие

²⁹ Шеллинг Ф.В.Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах. - В его кн.: Соч. в 2-х т. Т.2. М., 1989. С. 158

³⁰ Тарабукин Н.П. Философия пейзажа // Смысл иконы. М., 2001. С.55.

³¹ Там же.

³² Касаткина В.Н. «Денница»: ее издатель и сотрудники / Денница: Альманах на 1830, 1831, 1834 годы, изданный М.Максимовичем. М., 1999. С.98.

³³ Батурова Т.К. Страницы русских альманахов. М., 1998. С.70.

Бога, но и бунтующее начало человеческого духа. Если в лирических текстах Лермонтова, где дается переживание, освещённое единством чувства, горы выступают символом чистоты и непорочности, к которым стремится поэт, то уже в его поэмах показана происходящая в горах борьба человека с духами злобы, с плотско-стихийными силами внутри своей души. Если лирические тексты есть констатация духовного состояния на определенный момент времени, который, впрочем, может иметь и характер вечности, то суть лиро-эпики в духовном плане более соответствует самому процессу прихода к вечности. Это путь тесный, согласно учению христианскому, в котором родился и возрел Лермонтов, путь единственный, путь покаяния и исповеди, который имманентен самопознанию человека. Исповедальность как ведущее качество лермонтовской поэзии отмечали практически все исследователи его творчества. Но в православной практике обязательным качеством исповеди является покаяние. Сам эстетический момент развертывания действия на Кавказе в поэзии Лермонтова подразумевает покаянное настроение, что обусловлено и личными впечатлениями, и объективным этическим статусом места наивысшего напряжения действенной государственной политики России начала XIX века. Ссылка на Кавказ рассматривалась КЕМ? не только как наказание, но и как искупление проступка, и даже милость, как, например, в случае с А.И. Одоевским: направление осужденного из «Ишима пустынного» на Кавказ было милостью императора, тронутого посланием поэта к отцу³⁴. А.В. Моторин рассматривает «Мицери» как исповедь христианина, исповедью является и поэма «Демон», где обнажаются самые сокровенные тайны человеческой души – ее желание любви и сопутствующие этому искушения. Г.П. Федотов писал о том, что вместе с тем, что «смерть вошла в жизнь, она вошла и в самые источники жизни, и где сильнее всего напряжение жизни, там ближе всего и смерть, в буре, в огне, в любви»³⁵. Проводя аналогию, можно говорить, что именно в горах поэт наиболее ощущает напряжение жизни, там небо оказывается будто бы совсем близким, но там и таится угроза духовных падений – к мшистым зубам скал, «сброшенным грозой и временем» («Герой нашего времени»). Но и ничто так, как горы, не указывает нам на высоту духовной жизни, и образно не представляют обитель Бога.

Поэтические произведения Лермонтова, воссоздающие горный ландшафт, как правило, показывают некое отстояние лирического поэта от блаженного мира вершин. Своеобразной формулой этого

³⁴ Розен А.Е. Биографический очерк А.И. Одоевского / Русская литература XIX в. 1800-1830-е годы. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей. Под ред. Аношкиной В.Н. М., 2000. С. 180.

³⁵ Федотов Г.П. О Святом Духе в природе и культуре // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 10 тт. М., 1998. - Т. 2. С. 234

противостояния оказываются строки из стихотворения «Валерик», где с горной грядой, «вечно гордой и спокойной», сравнивается «жалкий человек» с его страстями и желаниями. Кавказ и горы – это духовный порыв, это самопознание, которое в своей глубине и истине является богопознанием. Еще Святой Григорий Нисский в «Жизни Моисея законодателя» пишет, что Божество там, «куда не восходит понятие», и всякий, напрягая свое разумение Незримо, будто направляет его к вершине горы»³⁶. Погружение поэта внутрь себя – «Я, веруя твоим словам,? глубоко в сердце погрузился...» - его рефлексирующая лирика является оборотной стороной текстов Лермонтова, связанных с образом гор и со стремлением к их вершинам. И как знаковы для Лермонтова выраженные в его поэзии молитвенные чувства, и рефлексия по поводу себя и мира, так знаков и образ Кавказских гор в их возвышенности, красоте и духовной неуспокоенности.

Ландшафты долинные связаны у поэта с другим ощущением, которое, впрочем, созвучно общим настроениям эпохи. В «Элегии» («И тесно и душно мне в области гор...», 1843) Н.М. Языков пишет о чувстве свободы, которая возможна для него только на Родине, на русских просторах. При чувстве высоты неба на равнинном пространстве есть и ощущение его близости; здесь не желание достижения неба, не путь к небу, а слияние неба и земли в горизонте. Этот духовный смысл долинного ландшафта раскрывается с особой силой в стихотворении Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...», являющее собой образ неба на земле. Созданный в этом стихотворении художественный образ есть не только реализация памяти о рае, о котором тоскует «душа младая» в раннем стихотворении «Ангел», но явное свидетельство осуществления чуда претворения небесного в земном, которое оказывается возможным на русских просторах, где пространственная свобода влечёт и ощущение вечности. Это ощущение вечности на равнинном пространстве Лермонтов передал ещё в раннем стихотворении «1831 июня 11 дня»: «И мысль о вечности, как великан, // Ум человека поражает вдруг, // Когда степей безбрежный океан // Синее пред глазами...» (1, 177). В этом раннем стихотворении поэт заявляет, что при лицезрении бесконечного пространства «отчёт мы можем дать в своей судьбе», однако цельного переживания вечности у него еще нет, и недаром далее в этом стихотворении встречаются строки о том, что «печален степи вид». «Так жизнь скучна, когда боренья нет», - пишет далее поэт, восторгаясь горными пейзажами. В начале 1830-х годов у Лермонтова ещё нет того опытно-мистического знания, которое и вызовет к жизни его шедевр «Когда волнуется желтеющая нива...» (стихотворение и станет самым этим знанием), в котором земля уже не

³⁶ Флоровский Г.В. Восточные отцы IV в. М., 1992. С. 231.

просто напоминает о вечности и Небе, но оказывается онтологически единой с Небом. Горизонтальный ландшафт является у Лермонтова образом вечности и бесконечности, его горизонталь есть горизонталь духовно преображённая.

Поиски Бога связаны в творчестве Лермонтова с образом гор, бурь, но обретает Его поэт в тихом веянии ветра, на родном ему лесостепном ландшафте. Как пророк Илия ждал гласа Божия в буре, в землетрясении, но Господь явился ему в «веянии хлада тонка», также и Лермонтов, который пишет о себе « Я Родину люблю/ И больше многих...», ждёт слова Божия в «песн<е> непогоды», а предваряет его видение Бога – «И в небесах я вижу Бога...» – тихое волнение желтеющей нивы. Игумен Нестор (В.Ю. Кумыш), рассматривая стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837), пишет об особом восприятии природы поэтом в момент создания текста: «Но только сейчас он созерцает все эти привычные картины не сами по себе, а в свете своего настроения, иначе говоря, сквозь призму посетившего его божественного откровения»³⁷. Да, именно русский лесостепной ландшафт встал перед внутренним взором поэта, когда благодатное настроение владело его душой, но и другое истолкование достоверно: именно при воспоминании и представлении равнинного пейзажа сердце поэта тронула благодать Божья.

Это стихотворение близко и другому шедевру Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841), который изображает пейзаж в горах, однако это пейзаж не вертикали, как, например, в стихотворении «Крест на скале», а горизонтали, которая в художественном мире Лермонтова приобретает статус вечности по её беспредельности и впечатления слиянности земли и неба. Картина, представленная в этом тексте, при всей её невозможности профанно-реального видения (нельзя увидеть, как «спит земля в сиянье голубом»), реальна и объективна, это не есть выражение субъективных чувств автора, но картина, в которой, «художник стремится выйти за пределы своей ограниченной и, тем самым, неполноценной индивидуальности и узреть в космосе величие и святость Божьего Лица»³⁸ при зримом участии всех духовных сил и мистического опыта своей личности.

В образной системе Лермонтова особое распространение имеет горный ландшафт, он выступает тем природным стимулом, который вносит в душу поэта тоску по высокому, показывает необходимость стремления к небу, обновляет видение природы, дает возможность рассмотреть ее как книгу Бога. Именно горы дают поэту сознание

³⁷ Нестор (Кумыш), иеромонах. Был ли Лермонтов религиозным человеком? // Лермонтов и Православие. М., 2010. С. 260.

³⁸ Тарабукин Н.П. Философия пейзажа // Смысл иконы. М., 2001. С. 58.

онтологии пространства, тогда как пейзажи, тянущиеся по горизонтали представляют реальное переживание вечности, постижимое или на подсознании, или уже в сознании, преображенном огромной духовной работой. Монах Лазарь (В.В. Афанасьев) отмечал, что поэт «своей чуткой душой понял и красоту, и тайный смысл гор»³⁹. Лермонтов в своем поэтическом творчестве постиг и «тайный смысл» равнинного ландшафта, почувствовав в нём тишину и бесконечно длящуюся вечность. Пейзажный мир поэзии Лермонтова обладает не только красотой изобразительности и силой выразительности, но являет собой «род философского искусства», и даже более, составляет, в определённой мере, «богословскую концепцию»⁴⁰.

В четвертой главе «Религиозно-этический идеал Лермонтова: истоки формирования и художественное воплощение» этическая система Лермонтова рассматривается как в своих корнях и истоках, так и в её перспективности по отношению к становлению русского национального самосознания.

О.П. Герасимов в «Очерке внутренней жизни Лермонтова по его произведениям» говорит об уверенности поэта в естественности нравственных стремлений человека и их неотрывности от веры в бессмертие «души человеческой» и убеждения «в гармоничности и разумности всего мироздания»⁴¹. П.А. Федоровский отмечал, что наше стремление к миру иному, по Лермонтову, есть результат нашего божественного происхождения, а благородные порывы и страсти души человека – отголосок песни ангела «под кущами райских садов...»⁴². В начале XX века П.А. Кропоткин говорил о высоком нравственном потенциале личности Лермонтова и о религиозных корнях его этического чувства. «Одаренный врожденным чувством красоты, не могущей существовать вне Правды и Добра, и в то же время окруженный <...> людьми, которые не могли или не смели понять его, он легко мог бы прийти <...> к человеконенавистничеству; но он всегда сохранял веру в человека»⁴³, – пишет исследователь, подчёркивая духовную силу личности поэта.

И.П. Щеблыкин в статье «Поэт пророчества и преодоления» пишет о Лермонтове как о человеке, сумевшем распорядиться даром Божиим в «соответствии с Высшим предначертанием», «во славу человека и

³⁹ Лазарь (В.В. Афанасьев), монах. «На высотах духа. Горы в сочинениях М.Ю. Лермонтова» // М.Ю. Лермонтов и Православие. М., 2010. С. 280.

⁴⁰ Тарабукин Н.П. Указ. соч. . С. 57.

⁴¹ Герасимов О.П. Очерк внутренней жизни Лермонтова по его произведениям // Вopr. философии и психологии. 1890. № 3. С. 23.

⁴² Федоровский П.А. Памяти М.Ю. Лермонтова. Тифлис, 1891. С. 7.

⁴³ Кропоткин П.А. Идеалы и действительность в русской литературе. Т. V. СПб., 1907. С. 63.

России, показав силу и необходимость человеческого порыва, осененного божественным духом Красоты и Истины». И.П. Щерблякин полагает, что никто «в поэзии не сказал с такой же силою, как Лермонтов, о том, что источник всех человеческих бед состоит в попрании Истины и Блага»⁴⁴.

Эти в глубочайшей степени верные замечания имеют серьезные основания как в самой жизни поэта, так и в полных яркой художественной образности его произведениях. Этические координаты поэзии Лермонтова укорены во взрастившей его духовно-культурной традиции православия, декларирующей теснейшее соотношение между земной и высшей правдой, между личным представлением о справедливости, являющейся доминантой этики как таковой, и справедливостью масштаба вселенского. «Как я любил, за что страдал, // Тому судья лишь Бог да совесть» (I, 16), – эти слова еще юного поэта определяют его мировоззренческую перспективу, устремленную к осознанию и воплощению религиозного нравственного идеала. В традиции православной культуры, которая признает сочетание в человеке доброго и злого, «священного с порочным» (Лермонтов), достижение нравственного идеала возможно лишь через приобщение к церковной жизни, через участие в Таинствах, одним из которых является Таинство Исповеди, что есть чудо прощения человека и очищения его от порочных движений души. Покаяние свойственно и светскому, и религиозному сознанию. Но если в светском сознании оно проявляется в «переживании стыда и вины»⁴⁵, то в религиозном эти чувства сопровождаются осознанием факта освобождения от греха через участие в Таинстве Исповеди. И вот этим стремлением к очищению от греховных движений души пронизаны многие произведения Лермонтова, именно оно определило исповедальность как ведущее чувство его поэтического творчества.

Исповедь лермонтовских героев далеко не всегда, и даже, наверное, никогда не связана с их *видимым* покаянием. Но необходимость покаяния в исповеди Лермонтов сознает. Так, в стихотворении «Покаяние» (1829) девица, пришедшая «исповедать грех сердечный», не получает прощения как раз из-за отсутствия покаяния. У Лермонтова момент покаяния не оказывается прямо и буквально выраженным, но он реализуется в образной его системе, тем самым умозрительный опыт поэта получает эмпирическое подтверждение и обладает высокой степенью воздействия на читателя.

Для Лермонтова Кавказские горы – символ чистоты и непорочности, это особое пространство, где воздух чист «как молитва ребенка», как

⁴⁴ Щерблякин И.П. Поэт пророчества и преодоления // Лермонтов. Пенза, 1999. Вып. 5. С. 7.

⁴⁵ Владислав (Свешников), протоиерей. Очерки христианской этики. М., 2001. С. 148.

пишет поэт в стихотворении «Синие горы Кавказа, приветствую Вас!». Лермонтов проникновенно обращается к Кавказским горам: «<...> вы к небу меня приучили, и я с тех пор все мечтаю о вас да о небе» (I, 266). У Лермонтова образ Кавказских гор и выступает как символ безгрешного существования, а само стремление к чистоте в ее пространственном выражении означает готовность предстать Вечному Судии и опыт свободы от греха, ибо человек способен к восприятию только того, что в нем в той или иной степени присутствует. В предисловии к «Журналу Печорина» Лермонтов напишет, что знаменитая «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо в полноте не отвечает своему назначению уже потому, что философ читал ее своим друзьям. Лермонтов не откровенничает, его исповедь и покаяние как необходимое составляющее исповеди выражены не буквально семантически, а через эстетику пространства. Так, в «Герое нашего времени» в последние минуты перед поединком – перед возможностью смерти – Печорин описывает в своем дневнике-исповеди прекрасный горный пейзаж: «Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо, и Эльбрус на юге вставал белою громадой, замыкая цепь льдистых вершин...» (IV, 87). Здесь вершины скал, уподобляющиеся бесчисленному стаду, ассоциируются с сонмом праведников, послушным стадом Христовым, это сравнение усиливается за счет символической антитезы, следующей практически тотчас. Печорин рисует картину мрачную: «Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть-чуть у меня не закружилась: там внизу казалось темно и холодно, как в погребке: мшистые зубы скал, сброшенные грозой и временем, ожидали своей добычи...» (IV, 88). Возникает ассоциация с адом, где «мрак и скрежет зубовный». И если в первой картине присутствует момент вневременной – «золотой туман утра» как вечная юность, то во второй картине скалы сброшены «грозой и временем» (и именно туда судьба отправляет Грушницкого). Герой оказывается на границе ада и рая, и исповедь как таинство есть начало пути из мира смерти в мир жизни. Еще в ранних своих лирических исповедях Лермонтов изображает эти два мира.

В передаче душевных движений через пейзажные образы видится и попытка объективности, а значит справедливости в оценке личного состояния. Св. Василий Великий пишет, что на всеобщем Суде восторжествует «справдливое воздаяние, соразмерно самым делам», так что «и сами осужденные согласятся признать произнесенный над ними приговор справедливейшим». Именно этого справедливейшего Суда и ждет Лермонтов. Так, в стихотворении «Ночь I» (1830) поэт, переживая состояние смерти, обусловленное человеческим грехом, обращается к своему лирическому герою: «...и жди // Пока придет Спаситель – и молись... // Молись – страдай... и выстрадай прощенье...» (I, 124).

Т.А. Иванова в статье «Что говорят рукописи и книги (К вопросу об основном тексте «Демона»)» ведущей идее поэмы считает идею «божественной справедливости»⁴⁶. Категория справедливости является краеугольным камнем всей этической системы Лермонтова, в картине мира которого важнейшее место занимают эсхатологические чаяния и, соответственно, образ Христа как Судии.

Св. Иустин Философ полагал, что «если некогда будет произведен Богом над всем человеческим родом суд, и каждый человек во время его получит справедливое воздаяние, то несомненно, что добродетель и порок – не пустые слова»⁴⁷. Проблема эсхатологических чаяний является одной из насущных для русского национального сознания, во многом определяющей жизнь человека в пределах времени. В стихотворении 1830 года «Отрывок» («На жизнь надеяться страшась...») Лермонтов изображает два типа человеческих судеб. Для одних – существ чистейших – уготована благая участь: «Меж них ни злата, ни честей // Не будет. Станут течь их дни, // Невинные, как дни детей...». Другие – жертвы своих пороков – «окованы над бездной тьмы» (I, 141). Обличая грехи мира, поэт показывает и воздаяние за них. В этом тексте Лермонтов изображает «тысячелетнее Царство», обещанное в Откровении Иоанна Богослова. Примечательно, что начиная это стихотворение с формы первого лица единственного числа «я» поэт затем переходит к форме «мы», через что произведение приобретает обличительный пафос, роднящий его со знаменитой лермонтовской «Думой» (1840), которая представляет горько-покаянную исповедь представителя своего времени. «Богаты мы, едва из колыбели, // Ошибками отцов и поздним их умом» (I, 23) – пишет поэт, и в этих словах нет, конечно, попытки самооправдания и переложения грехов на «отцов», но осознание и понимание общечеловеческой греховности, о чем читаем и во включенном в ежедневное молитвенное правило христианина пятидесятом псалме, где образно представлено переживание глубокого покаянного чувства. В этом боговдохновенном произведении псалмопевца царя Давида говорится о родовой неизбежности греха: «Вот я в беззакониях зачат есмь и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50). Человек выходит из дурной бесконечности греха только через покаяние и ответное помилование Божие. Для Лермонтова таким выходом является бытие в определенных ситуациях, которые, как правило, связаны с готовностью к подвигу и жертвенности ради спасения своих близких и Отечества, с выходом из изображенного в

⁴⁶ Иванова Т.А. Что говорят рукописи и книги (К вопросу об основном тексте «Демона») // М.Ю. Лермонтов. Вопросы жизни и творчества / Под ред. А.Н. Соколова и Д.А. Гиреева. Орджоникидзе, 1963. С. 83.

⁴⁷ Цит. по.: Макарий (Оксиюк), митрополит. Эсхатология святого Григория Нисского. М., 1999. С. 50.

«Думе» бездействия повседневности. Жизнь, соответствующая представлению поэта о должном, оказывается осуществима, например, в ситуации Бородинской битвы, вдохновившей поэта на создание его шедевра – стихотворения «Бородино». «Дума» Лермонтова есть и исповедь, и проповедь – проповедь через обличение постыдного равнодушия к основным этическим координатам – добру и злу, как проповедью Царства Божия является и лермонтовский «Отрывок» («На жизнь надеяться страшась...»), в котором показана цель человеческого существования – радость безгрешной жизни.

Само появление имени Лермонтова на устах его поколения было связано с темой Суда Божьего. Знаменитые строки «но есть и Божий Суд» из стихотворения «Смерть поэта» (1837) не только явили России Лермонтова, но и навлекли на поэта гнев тех, кто «гаится» «под сению закона». Не принимая ложь и лицемерие как поведенческий устав, именно перед лицом Божиим поэт обнажает грехи поколения. Проводником идеи праведности и является для Лермонтова поэт в своем высшем назначении. В стихотворении «Пророк» (1841) мы видим эту мысль прямо выраженной. Лермонтовский пророк не боится суда толпы – осуждения, противопоставляя его, в согласии с христианской традицией, Суду высшему.

Обличение порока стало доминантой лермонтовского творчества, обнажает поэт и свои грехи, и грехи своего поколения, полагая себя ответственным и за них. Но духовное учительство поэта не исчерпывается изображением греха и покаяния. Своеобразным наставлением звучат строки из стихотворения Лермонтова «Ребенка милого рожденье...» (1839), в котором поэт проповедует идеи твердости духа, противостояния страстям и неосуждения ближних, что является залогом чистоты души: «И выйдет он из светской тины / Душою бел и сердцем невредим!» (I, 127).

В творчестве Лермонтова сильны молитвенные настроения, возможность душевного предстояния перед Источником Истины и Добра говорит о высоком этическом потенциале поэта. Лермонтов в своём творчестве не морализирует, но утверждает этику добродетели. Поэт воспринимает добро как основное содержание этики именно в его причастности высшему благу, добро есть субстанциональная реальность человеческого бытия, освященного светом религии. Образом нравственного завещания Лермонтова становятся и строки его исторических произведений, и самого известного из них, оформленного в виде диалога поколений стихотворения «Бородино», пронизанного любовью к Отечеству и покорностью воле Божьей. Нравственное начало у Лермонтова неотделимо от чувства истории, ибо человек помнящий (ЧТО?), а соответственно, и человек служащий своему Отечеству,

является человеком добродетельным, осознающим свою ответственность за судьбу мира.

Утверждая религиозность мирочувствия и своеобразие этики Лермонтова, можно говорить, что его поэтическая картина мира является, с одной стороны, естественной данностью, порожденной бытом и бытием русской жизни начала XIX века, а с другой – результатом творческого достраивания и философского осмысления всей действительности в ее бытовых, психологических, социальных, исторических и собственно культурных проявлениях. В свете божественного происхождения человека мораль для Лермонтова имеет высокий мироустроющий смысл, его этическая система является выражением национальных идеалов и опирается на духовную традицию Православия. В процессе исследования выявлены истоки формирования религиозности Лермонтова и специфика его личностного мировоззрения, основанного на традиционной православной культуре. Поэзия Лермонтова рассмотрена в свете философских и художественных исканий его времени, уточнены особенности этических представлений поэта, их неотделимость от религиозного понимания мира и человека.

В *пятой главе «Историсофия Лермонтова: вселенское и национальное»* утверждается сопряженность в русском этническом сознании понятий Отчизны земной и Отчизны Небесной. Рассматривая стихотворение Лермонтова «Казачья колыбельная песня» (1840), известный знаток творчества поэта И.П. Щерблякин отметил, что здесь «сведены воедино фундаментальные основы русского человека: Бог, Отчизна, дом родной»⁴⁸, от которых в творческом мире Лермонтова неотделимо понятие свободы. Называя эту духовную триаду, И.П. Щерблякин дает ключ к пониманию не только творчества Лермонтова, но и всей русской поэзии, и русской культуры вообще. Практически все поэтические произведения века девятнадцатого при обращении к героико-патриотическим жанрам, так или иначе, с большей или меньшей степенью выразительности, касаются названных мотивов в их сопряженности, это сопряжение характеризует славяно-русскую душу как таковую. При обращении Лермонтова к славянской истории в стихотворении «Баллада» («В избушке поздною порою...», 1831) поэт мерою духовного идеала также выбирает названные ценности: Бога («Отец твой стал за честь и Бога»), Отчизну и родной дом («Наш милый край порабощен»). Лермонтов изображает верность славянина

⁴⁸ *Щерблякин И.П.* Страницы лермонтоведения: интерпретация, анализы, полемика. Пенза, 2003. С. 113. Также И.П. Щерблякин отмечает, что чувство родины неотделимо у поэта от чувства свободы.

ценностным координатам христианского сознания, ставящего свободу выше смерти.

Славянское свободолобие проявляется в твёрдости духа, преданности Отчизне, любви к Богу и к близким. Его идеал образно воплощен в феномене казачества в его историческом и онтологическом аспектах. Казачество не есть отдельное этническое образование, оно – состояние души славяноросса. В стихотворении «Казачья колыбельная песня» художественное сопряжение получают три образа: душа, ангел, слезы, и именно их духовное единство роднит это стихотворение с другим лермонтовским шедевром – стихотворением «Ангел» (1831). Первый биограф Лермонтова П.А. Висковатов реальную основу этого текста видел в воспоминаниях поэта о рано потерянной матери и ее песне, от которой, как признается сам поэт, он «плакал». В стихотворении «Ангел» также возникает ключевая для мира Лермонтова триада: «Бог, Отчизна, дом родной». Поэт воссоздает образ небесной Отчизны («Под кущами райских садов»), явно в стихотворении и присутствие Господа, а образ объятий («Он душу младую в объятиях нес») указывает нам на биографическую основу текста, связанную с памятью о матери, о родном доме. В русле православного миропонимания Лермонтов видит идеал человечества в детском мирозерцании. Детство он рассматривает в нескольких аспектах. Во-первых, как время младенчества частного человека, а, во-вторых, в его историческом преломлении как младенчество человечества (рай) и детство народов (древние славяне, горцы). В стихотворении «Приветствую тебя, воинственных славян святая колыбель...» (1832) поэт акцентирует этот момент. Служба поэта на Кавказе познакомила Лермонтова с бытом и нравами казаков, которые искренностью и простотою своего мировосприятия дали повод к сравнению «казаки что дети». ⁴⁹ В лермонтовской «Балладе» («В избушке позднюю порою...») с ее выраженным этническим славянским пластом события представлены в художественном настоящем, которое суть исторически прошлое, тогда как «Казачья колыбельная песня» построена на сочетании времен настоящего и будущего, притом ценностная шкала как раз выстраивается вокруг будущего, как вечно-настоящего. Казачество следует рассматривать в творческой системе Лермонтова как славянство в его социально-выраженном настоящем и в перспективе грядущего, именно поэтому *казачья колыбельная* воплощает ценностную канву мирозерцания поэта, восхищающегося русским воинством, доблестью казаков и их вольнолюбием.

⁴⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. М., 1999. Т. 2. С. 73.

В творчестве Лермонтова мотив воли-свободы напрямую связан и со славянством. В раннем стихотворении «Новгород» (1830) центральным качеством «сын<ов> снегов, сын<ов> славян» оказывается именно свобода: «До наших дней при имени свобода //Трепещет ваше сердце и кипит!..(I, 168). Поэма «Последний сын вольности» также обозначает открытую связь славянства и чувства свободы, героя поэмы – «последний вольный славянин». В стихотворении Лермонтова «Песнь барда» (1830) «дружин Днепра седой певец» поет о своей Отчизне, «где человек так вольно жил». Сюжет стихотворения выстраивается таким образом, что песнь барда, имеющая своим истоком родной славянам вольный уклад жизни, воспринимается его же сродниками как нечто небывалое. Подобное восприятие является следствием того, что «князь земли родной / Приказу ханскому внимал» (I, 156). Лермонтов при обращении к теме славянства направляет свой взор более на Новгород, чем на Киев, так как Новгородская земля не была под татарским владычеством, что и способствовало сохранению там чувства «вольности святой».

Символично, что в славянском сознании мотив свободы тесно связан с мотивом звучания родной речи. Так А.И. Тургенев, путешествуя по славянским землям, находящимся под иноземным владычеством, отмечал: «<...> звуки их (славян – И.К.) песен раздаются еще в песнях теперешних вендов; самые народные сказки, и те могут служить нам твердым памятником. Как венды любят русских, и как они ненавидят саксонцев, своих победителей, которые стараются отнять у них последнее – язык их!»⁵⁰. Родство мотивов свободы, Отечества и песни проявилось и в стихотворении Лермонтова «1831-го января» («Редеют бледные туманы...»). Если в «Ангеле» («И звуков небес заменить не могли // Ей скучные песни земли») звуки земли противопоставлены звукам Неба, то здесь – песне самого поэта, который вторит, и это особенно важно, песням веков («Они зовут, они манят, //Поют, и я пою за ними...» (I, 172)). «Земные звуки» у Лермонтова те, что характеризуют зло земное, которое противно небесной истине. История для поэта имеет небесную родину, и потому песня ангела, оставшаяся в памяти как звук «без слов, но живой», не противопоставлена песням веков, которым вторит поэт, «полный чувствами живыми». В стихотворении Лермонтова «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...», 1838) «отзыв мыслей благородных», указывающий на высоконравственный тон души поэта, сравнивается со звучаньем колокола «на башне вечевой». Поэтическая речь по своей сути

⁵⁰ А.И. Тургенев - И.П. Тургеневу из Праги, 11 июня/29 мая 1804 г. //Архив братьев Тургеневых. Вып. 4. Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. Пг., 1915. – С. 14-15.

представляется подобием колокольного звона, звучащего «во дни торжеств и бед народных». В народной песне, записанной и литературно обработанной Лермонтовым («Песня», «Что в поле за пыль летит...», 1830), пленница просит свою дочь, ставшую женой злого татарина: «Отпусти меня на святую Русь; // Не слышать здесь пенья церковного, // Не слышать звону колокольного»(IV, 374). Образ русской земли оказывается прямо и буквально связанным с колокольным звоном и церковным пением - знаками небесного мира, звуками неба на земле.

Память Отчизны зримо представлена в лермонтовском стихотворении «Ангел», начальные стихи уже воссоздают полную поэзии картину: «По небу полуночи ангел летел...». Буквальный смысл текста связывает произведение с определенным временем суток – полночью. Но словосочетание «по небу полуночи» в данном стихотворении, как, впрочем, и в историко-культурной традиции имеет еще один важный смысл. Это есть обозначение не только времени, но и пространства. Образ неба полуночи в историко-культурной традиции связан с образом России как страны Севера. В стихотворении Ф.И. Тютчева «Урагия» (1820) Россия расположена «среди снегов Полунощи глубокой»⁵¹. Н.М. Языков, соотнося себя с А.С. Пушкиным, союз двух поэтов связывает с образом Руси как страны полуночной: «Два сына Руси православной, / Два первенца полночных муз...»⁵². «Сын <ами> полночи» названы русские воины в стихотворении Лермонтова «Поле Бородина» (1830-1831). В контексте творчества Лермонтова и его современников ясно видится, что небо «полуночи» - это небо русской земли, а песня ангела являя собой звуки небесной Отчизны, может быть названа и песней края «полуночи». В стихотворении «Ангел» поэт не только пытается отобразить ощущения своей души, но и воссоздаёт образ славяно-русской души как национального архетипа.

В главе подробно освещена суть славянорусского свободолюбивого, но готового к самоотречению характера. В стихотворении Лермонтова «Бородино» мы видим особое отречение от *своей воли* свободолюбивых по духу воинов-богатырей. Результат битвы под Бородино сложен для понимания, и возможен именно в духовной традиции Православия. Он заключен в словах «Господня воля», «Божья воля», которые являются смыслообразующими для стихотворения «Бородино» («Не будь на то Господня воля // Не отдали б Москвы»). Для героев Бородина прежде всего оказывается действенна установка молитвы Господней: «Да будет воля Твоя». Еще в раннем стихотворении «Поле Бородина» Лермонтова возникает образ Молитвы Господней: «Штыки вострили да шептали /

⁵¹ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в 6 томах. М., 2002. Т. I. С. 24.

⁵² Языков Н.М. Свободомыслящая муза: стихотворения; поэмы; жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям. М., 1988. С.7.

Молитву Родины своей». Молитва Родины, образ которой возникает в лермонтовском тексте, и есть именно Молитва Господня, в которой Господь оборачивается к человеку стороной Отечества, разрешая ему обращаться к нему как к Отцу («Отче наш»). Вероятность того, что под молитвой Родины в стихотворении «Поле Бородина» Лермонтов подразумевал именно «Отче наш», подкрепляется и тем, что при последующем обращении к теме в стихотворении «Бородино», при сохранении некоторых элементов более раннего текста, словосочетание «молитва Родины» исчезает, но её функцию выполняют слова «Господня воля», «Божья воля», являющиеся аналогом одного из прошений молитвы Господней: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». И в «Поле Бородина», и в «Бородино» русский полагается на волю Господню. Но и воля человека присутствует в обоих стихотворениях. Отречение в православной практике от своеволия дает и возможность полноты ощущения свободы. Мотив свободолюбия определенно выражен в стихах «Бородина»: «И вот нашли большое поле: // Есть разгуляться где на воле!» (I, 9). Здесь образ воли дается как характеристика русского ландшафта и русского характера. Ощущение героем личной воли, свободы не противоречит воле Господней, а является и неким её исполнением. Эта симфония личной свободы и Божьей воли оказывается осуществимо именно в воинской службе, в службе государству, родной стране. Символично, что для русского человека, каким является лирический герой «Поля Бородина», и сам поэт с его «русскою душой», которая безбрежна как «огромный океан», молитва Родины – это молитва Господня, призывающая к свершению Божьей воли. То есть Россия осознаётся поэтом как место этого свершения, в ее богоизбранности. Вся вольность души русского человека реализуется в защите своего Отечества. Но если, например, в «Последнем сыне вольности» Лермонтова идея государства связана с утратой языческой страной свободы, то уже Россия - христианская Империя воспринимается поэтом как государство, где воля человеческая должна быть подчинена воле Божьей во имя высшей идеи. Согласно Лермонтову, через любовь к Отечеству, через веру открывается русскому народу высший смысл свободы – в покорности воле Божьей, в свободном безропотном ее приятии. Произнесение молитвы Господней и есть воля к воле Божьей, высшее проявление человеческой воли, которое дается через добровольную жертву отречения от скучных песен земли, которые суть звуки греха смерти. В стихотворении «Валерию» Лермонтов прямо заявляет: «свой крест несу я без роптанья» (I, 54). Еще отцы Церкви мыслили порядок космоса (а что, как ни космос, знаменует собой полноту свободы) как послушание Божьей воле. Вот это согласие

Божьей воли и человеческой свободы, характерное для русской жизни в её идеале, обрело художественную оформленность в русской поэзии.

Для русского человека любовь к Родине имеет в высшей степени глубокое основание, связанное как с самим образованием древнерусского государства, так и с видением его духовной миссии. Своеобразие патриотизма русской поэзии 1830-х годов проявляется во внимании к целому комплексу мотивов, среди которых особое место занимают мотивы воли, свободы, твёрдости духа, общности и единения, проявляющиеся на уровне семьи, государства, наконец, Отечества Небесного, которое и служит своеобразным ключом к пониманию особенностей русского патриотизма. Практически все поэтические произведения века девятнадцатого при обращении к героико-патриотическим жанрам касаются названных мотивов в их сопряженности, которая и характеризует славянорусскую душу. Названные мотивы осознаются как высочайшая ценность и условие существования русского образа мира.

В контексте литературной и исторической мысли лермонтовского времени оказывается важным для рассмотрения юношеское сочинение Лермонтова «Панорама Москвы», где актуализируется чаение Москвы как Нового Иерусалима и Третьего Рима. Лермонтов, следуя христианской традиции, рассматривает мир как историю. В восприятии Лермонтова Россия связана со Святой Землей. На полях поэмы «Мцыри» поэт делает зарисовки Ново-Иерусалимского монастыря, построенного по аналогии с архитектурным комплексом на Святой земле. Недаром именно А.Н. Муравьеву, перу которого принадлежит и «Путешествие ко Святым местам в 1830 году», и «Путешествие по святым местам русским», где он сравнивает Новый Иерусалим с оригиналом, Лермонтов впервые читает поэму «Мцыри». В работе сопоставляются изображенный А.Н. Муравьевым в «Путешествии ко Святым местам в 1830 году» монастырь Креста в Горней (часть Иерусалимских гор) и построенный на остроконечной горе, над самым слиянием Арагвы и Куры грузинский монастырь «Джварис-сақдари» (святой Крест). В истории христианства символ креста тесно связан с личностью Константина Великого - первого христианского властителя, создателя христианской государственности. Крест был орудием его победы, символом православной царской власти.

Идею утверждения Царствия содержит в себе и стихотворение Лермонтова «Тамара» (1841). В контексте литературы того времени оно приобретает высокую смысловую нагрузку. В стихотворении «Брак Грузии с Русским Царством» (1838) сослуживец Лермонтова князь А.И. Одоевский пишет в аллегорической форме о событии вхождения Грузии в состав России. А.И. Одоевский сравнивает Россию с «женихом-

исполином», тогда как Грузия предстает девицей с глазами «полными страсти и огня». В «Вадиме» Лермонтов также называет Россию великаном. То же и в стихотворении «Два великана» (1832), где, используя прием олицетворения, поэт говорит о «старом русском великане». Лермонтовская Тамара так же, как и героиня стихотворения А.И. Одоевского, ждет «женихов» в «глубокой теснине Дарьяла, // Где роется Терек во мгле». Символично, что, как пишет частый собеседник Лермонтова А.Н. Муравьев в книге «Грузия и Армения» (1848) (вспоминая стихотворение Лермонтова «Спор» (1841) с его ярко выраженной панславянской идеей), что могила Лермонтова была примерно там же, недалеко от Эльбруса и Казбека. По его сведениям, «Давиду Возобновителю приписывают сооружение здесь первого Креста»⁵³, являющегося как символом Царствия Небесного, так и символом христианской государственности. Само имя Тамары, которое переводится как пальмовая ветвь, связано с идеей Царствия: иудеи бросали пальмовые ветви при входе Господа в Иерусалим, приветствуя Его в качестве Царя. Имя царицы Тамары также в грузинском национальном миропонимании связано с укреплением грузинской православной государственности. В «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, романе А.А. Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 году» (1835) она объективно изображается как идеальная правительница, которая отличалась мудростью и целомудрием. При символическом рассмотрении стихотворения Лермонтова «Тамара» гибель юношей за ночь любви с царицей можно рассматривать как образ жертвы русских воинов во имя укрепления Державы. Общее же настроение стихотворения, связанное с аксиологическим превосходством любви над смертью, не противоречит подобному содержанию. А для Лермонтова 1841 года духовное толкование стихотворения более приемлемо, ибо отвечает его общему мировосприятию.

В начале XIX века общество жило чаяниями эсхатологическими, и сама идея Москвы – Третьего Рима озарена апокалипсическим светом. Это эпоха, связанная со звездой Наполеона, который в снме своих ассоциаций нес в том числе образ Антихриста. Именно в это время формируется «русская идея» с ее триединством: Самодержавие – Православие – Народность. С тридцатыми годами связана мысль А.И. Иванова написать картину «Явление Христа народу». Сюжетом для своей картины художник, живший в то время в Риме, выбирает событие, стоящее на рубеже Ветхого и Нового Заветов, когда последний пророк встречает с народом Мессию и Дух Божий должен сстеть на Иисуса в виде голубя. Сама идея, вдохновляющая А.И. Иванова и занимающая Лермонтова, носилась в воздухе. И если А.И. Иванов восклицал по

⁵³ *Муравьев А.Н.* Грузия и Армения. СПб., 1848. С.36.

поводу постройки Храма Христа Спасителя: «Соотечественники, трудитесь во славу Божию. – Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»⁵⁴, то и Лермонтов жил этой мыслью поколения.

И.Н. Крамской в своей статье «Об Иванове» реформаторскую деятельность художника видит в изображении всей сцены «действительно на воздухе и действительно в пейзаже»⁵⁵. Лермонтов также выносит духовную борьбу человека, зыскующего Бога, из монашеской кельи на открытое пространство, представляя картину «действительно на воздухе», что обусловлено общим настроением 30-х годов. В.А. Зандер, размышляя над феноменом земного бытия старшего современника Лермонтова преподобного Серафима Саровского напишет, что преподобный Серафим, «словно раздвигает монастырские стены»⁵⁶. У преподобного Серафима и свой Назарет, и Вифлеем, и холм, на котором он прочитывал слова Нагорной проповеди, и свой Кедрон, – всё расположено в его русском пространстве. Вот этот элемент пространственной распаханности и господства идеи над пространством мы наблюдаем и в поэзии Лермонтова, которая «выносит» борьбу человека зыскующего Бога на реальный ландшафт. Для лермонтовского Мцыри именно горы, куда бежит жаждущий свободы послушник, становятся путем к обретению покоя, именно там происходит сражение героя с темными силами души, аллегорически представленных диким барсом – своеобразным двойником – «братом» героя.

Идея Царства в тесной соотнесенности земного и небесного самое законченное в мировой истории воплощение получила в культурном феномене Византии. Отголоски предсказаний о христианском возрождении Константинополя – Царьграда слышатся и в произведениях Лермонтова. Они проявляются в тех текстах, где возникает образ Кавказа в его сопряженности с образом России как Империи. Образ Кавказа в творчестве Лермонтова многопланов, одним из его аспектов является идея пограничности. Являясь границей между мусульманством и христианством, будучи местом наивысшего напряжения военно-политических сил России лермонтовского времени, образ Кавказа в творчестве Лермонтова связан с памятью о пророчествах об освобождении от власти мусульман великой христианской святыни – Константинополя. Идеи освобождения Константинополя актуализируются именно после победы России над наполеоновской Францией и связаны с ощущением силы и могущества

⁵⁴ Зуммер В.Н. Эсхатология Ал.Иванова / Ученые записки кафедры истории европейских культур. Харьков, 1929. С.43.

⁵⁵ Цит. по: Иванов. Федотов. Крамской. СПб., 1995. С.74.

⁵⁶ Зандер В. В обители преподобного Серафима // Русское Возрождение. 2003. № 82. С. 57.

духа сынов Севера, последний момент акцентировался русской армией и её военачальниками в период Отечественной войны 1812 года.

Образ Русской Империи в ее преемственности Риму и Константинополю прямо дан в поэме Лермонтова «Измаил-бей», где уже в конце первой строфы третьей части поэт прорекает великое будущее русского государства: «Настанет час – и новый грозный Рим // Украсит Север Августом другим». Россия связана с Римом через Константинополь, и поэт подчеркивает эту связь, вводя в сюжет поэмы мусульманскую тему и образ «Царя вселенной» в качестве христианского властителя.

Поэма «Измаил-бей» (1832) не стоит особняком в творчестве Лермонтова. Та же тема – утверждение Православного государства и силы сынов Севера – выражена в стихотворении «Спор» (1841), которое сам Лермонтов переписал известному славянофилу Ю.Ф. Самарину; подобная же идея символически выражена и в поэме «Мцыри» (1839). Мусульманская тема, правда, здесь отодвинута на второй план, но она ясно прослеживается в черновиках. В одном из вариантов поэмы в обморочном состоянии Мцыри видит своего отца-мусульманина, который манит его «могучею рукою». Не отвечая на зов кровного отца, в следующих строках поэмы герой просит руку отца духовного: «Прощай, отец... дай руку мне». Византийская традиция в окончательном тексте этой хрестоматийной поэмы прослеживается менее явно: Лермонтов «выбрасывает» вставной эпизод с видением Мцыри отца-мусульманина, и развивает мотив видения некоторого «сказочного» (идеального) мира, где ведущая роль отведена образу рыбки. Рыбка шепчет Мцыри «странные речи» о любви, о воле, о ценности жизни.

Образ рыбы в христианстве имеет глубокий символический смысл. Изображение рыбы долгое время служило выразительной эмблемой христианской Церкви. В своей работе «О граде Божьем» Блаженный Августин также говорит об образе рыбы, под которым таинственно понимается Христос, оставшийся живым «в глубине вод» - «в бездне смертности»⁵⁷. Это указание на бессмертие Христа «в бездне смертности» даёт и мысль о чуде возможности явления образа Града Божьего в этом мире, образа Царства небесного в Царствии земном. В сознании Лермонтова Православное Царство (Византия, Россия) живёт в своём высшем значении жизни именно в подражании Царству небесному. Анализ художественной ткани произведений Лермонтова, рассматриваемых в единстве замысла и образного воплощения, позволяет говорить о сопряжённости в сознании поэта мотивов земной и

⁵⁷ *Августин. О граде Божьем.* Кн. XVIII. Гл. XXIII. - <http://www.reformed.org.ua/2/454/18/Augustine>

небесной родины и превалировании духовного (небесного) при сознательном выборе формы явленности идеи.

С темой Царства тесно связано эсхатологическое мироощущение, которое во многом определяло духовные настроения первой трети XIX века. Эсхатологизм проявлялся и в пророчествах современных Лермонтову святых. В стихотворении «Предсказание» 1830 года Лермонтов также пророчествует, что «настанет год, России чёрный год, // Когда царей корона упадет» (I, 151). Но эсхатологизм Лермонтова не безысходен, в стихотворении «Отрывок» («На жизнь надеяться страшась...», 1830) поэт в традиции библейских пророчеств говорит и об угрозах, и об обетованиях. Прот. Иоанн Мейендорф, опираясь на мысли Г.П. Федотова, пишет, что «грядущая благая» - это обетования верным, тогда как катаклизмы – угроза грешникам⁵⁸. В стихотворении Лермонтова «Спор» (1841) эти обетования в земном масштабе проявляются в разговоре о могуществе Северной Державы: «От Урала до Дуная, // До большой реки / Колыхаясь и сверкая / Двигнутся полки...» (I, 71). Преподобный Серафим пророчествовал о судьбе русского государства: «Россия претерпит много бед и ценой великих страданий обретет великую славу. Она объединит православных славян в одну могучую Державу, страшную для врагов Христовых»⁵⁹, и мысли Лермонтова близки к пророчествам преподобного Серафима – святого современника поэта.

Первая половина XIX века жила в особой атмосфере эсхатологизма, что проявлялось и в литературе, и в искусстве. Эсхатологизм мироощущения влечет за собой идею богоизбранности и мессианства. Идея священного государства, доставшаяся России в наследство от Византии, во многом определила самосознание поэта, увидевшего в Александре I «нового Августа». В духе Аврелия Августина Лермонтов понимает историю как борьбу града земного с Градом Небесным, а цель ее – свершение Града Небесного во всей полноте абсолютного Блага - осуществляется не на земле, поэтому лермонтовские герои и получают способность «невозможности грешить» после перехода в мир иной, а на земле происходит их борьба со своими страстями.

Лермонтов воспринимает земную историю как часть истории божественной. Он предстает как личность, остро чувствующая время, имеющая способность выразить верный смысл происходящего и перспективы грядущего. Поэт является в своем творчестве как человек именно русского христианского мира с его духовным максимализмом. И

⁵⁸ Иоанн (Мейендорф), протоиерей. Рим – Константинополь – Москва. Исторические и богословские исследования. М., 2005. С. 239.

⁵⁹ Грядущие судьбы России. Пророчества Серафима Саровского / «День». 1991. №1. С. 7.

заветная идея русского Православия, идея Москвы – Третьего Рима, становится важнейшим пунктом формирования его мировоззрения.

В заключении подводятся итоги исследования. Утверждается, что творчество Лермонтова являет собой особый религиозно-философский и культурный феномен, питающийся из истоков православной религиозности и оказывающий непосредственное глубокое влияние на становление русского национального самосознания.

Лермонтов как человек обладающий даром созерцания, служащим ведущей силой его гения, за внешними явлениями бытия способен усматривать их метафизический смысл. В своем творчестве поэт стремится к целостному пониманию мира, и эта цельность проявляется не только на уровне философском, художественном, но и на уровне восприятия всей жизни в ее ценностных доминантах, которые для России связаны с духовно-культурным опытом Православия. Основной художественной системы поэта в её аксиологии является религиозная этика, своим творчеством Лермонтова доказывает, что в свете понимания человека в его духовности именно этика имеет высокий мироустроющий смысл, комплекс нравственных представлений поэта может быть определен как религиозный панэтизм. Освоение и истолкование жизни в искусстве происходит путём создания художественных образов, среди которых в творчестве Лермонтова особое место занимает образ-пейзаж. Пейзаж, будучи формой самопознания поэта, выявляет и духовную сущность природных ландшафтов, реализуя идею религиозной натурфилософии.

Поэзия Лермонтова имеет патриотическое звучание, проявляющееся во внимании к целому комплексу мотивов, среди которых особое место занимают мотивы воли, свободы, твёрдости духа, общности и единения. Названные мотивы осознаются как высочайшая ценность и условие существования русского образа мира, жидущегося на фундаментальной сопряженности разноуровневых духовно-социальных координат: семьи, родины, государства, которые в своём идеале являются зримым подобием Отечества Небесного и указывают на возможность его достижения. В творчестве Лермонтова идея движения истории тесно взаимосвязана с проблемой становления личности, её нравственного выбора.

Творчество Лермонтова прежде всего следует определить как глубоко личностное, это есть поэзия ищущей воли, которая реализуется в дарованной человеку свободе выбора и действия.

Основные результаты научного исследования отражены в следующих публикациях

Монографии и учебные пособия

1. *Киселёва И.А.* Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система: монография. М.: МГОУ, 2011. 314 с. 10,7 п.л.
2. *Киселёва И.А.* Образ России и славянские мотивы в русской поэзии. Духовный смысл славянских мотивов // Россия и славянский мир в творчестве Ф.И. Тютчева: коллективная монография /Отв. ред. Аношкина В.Н. М.: Пашков Дом, 2011. 591 с. 31,08 п.л./1 п.л.
3. *Киселёва И.А.* Религиозно-философский потенциал поэзии М.Ю. Лермонтова: учебное пособие. М., МГОУ, 2011. 92 с. 3,8 п.л.
4. *Киселёва И.А.* М.Ю. Лермонтов / *И.А. Киселёва, Р.И. Альбеткова* //Русская литература XIX века. 1800-1830. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей: учебное пособие. Изд. 5 испр. и доп. [Интернет-издание. РУКОНТ: национальный цифровой ресурс, <http://www.rucont.ru>]. Отв. ред. В.Н. Аношкина. 2010. 3 п.л. / 1,5 п.л.

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК

5. *Киселёва И.А.* М.Ю. Лермонтов. Эстетика пространства и этический идеал покаяния // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». М., 2006. №1. С. 103–107. 0,6 п.л.
6. *Киселёва И.А.* Информация о международной научной конференции «Русское литературоведение на современном этапе // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. М., 2009. № 2. С. 225– 226. 0,2 п.л.
7. *Киселёва И.А.* О своеобразии патриотизма в русской поэзии 1830-х годов // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. М., 2009. № 3. С. 140–144. 0,6 п.л.
8. *Киселёва И.А.* Этика М.Ю. Лермонтова и её религиозные основания // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. №3. С. 66 – 73. 0,7 п.л.
9. *Киселёва И.А.* Духовно-нравственный идеал русской поэзии 1820-30 годов / *И.А. Киселёва, С.В. Гузина* // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. - М., 2010. № 3. С. 132–137. 0,7 п.л./0,4 п.л.
10. *Киселёва И.А.* Изучение творчества М.Ю. Лермонтова как религиозно-философской системы: проблемы методологии // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2010. №4. С. 95–100. 0,7 п.л.

11. *Киселёва И.А.* Человек – идеал – общество: проблемы аксиологии литературы / *Киселёва И.А., Алтатова Т.А.* // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. № 2. М., 2010. С. 138–141. 0,6 п.л./0,3 п.л.
12. *Киселёва И.А.* «Синие горы Кавказа, приветствую Вас!»: онтология пространства в творчестве Лермонтова // «Казанская наука». 2011. №11. С. 233–235. 0,4 п.л.
13. *Киселёва И.А.* Онтология стихии в духовном мире Лермонтова // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2011. №4. С.111–115. 0,5 п.л.
14. *Киселёва И.А.* Об имперской идее в поэмах М.Ю. Лермонтова «Измаил-бей» и «Мцыри» // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. №6(20). С. 136–138. 0,5 п.л.
15. *Киселёва И.А.* «Тесный путь спасенья»: Лермонтов и преподобный Серафим Саровский // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. №6. С. 95–101. 0,6 п.л.
16. *Киселёва И.А.* Личность и творчество Лермонтова как мера методологического развития русской философской критики // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2011. №12. С. 0,7 п.л.

Статьи в других научных изданиях

17. *Киселёва И.А.* Опыт интерпретации некоторых поэтических текстов М.Ю. Лермонтова. Эстетика чудесного // Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века. Межвузовский сборник научных трудов. М.: МГОУ, 1997. С. 62–70. 0,5 п.л.
18. *Киселёва И.А.* Пушкин и Лермонтов. К вопросу о путях богопознания // А.С. Пушкин. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия (1899-1999). Межвузовский сборник научных трудов. М.: МГОУ, 1999. С. 160–172. 0,6 п.л.
19. *Киселёва И.А.* Духовное становление М.Ю. Лермонтова // Христианские истоки русской литературы. Сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2001. С. 98–111. 0,7 п.л.
20. *Киселёва И.А.* О наполеоновской теме у Лермонтова // Литература и история. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. М.: МГОУ, 2001. С. 66–70. 0,4 п.л.
21. *Киселёва И.А.* Богопознание как процесс становления личности (к вопросу о духовной эволюции Лермонтова) // Гуманитарные науки на рубеже веков. Материалы Международной научно-практической конференции. Вып. I. М.: МФЮС, 2001. С. 24–27. 0,3 п.л.

22. *Киселёва И.А.* К проблеме исповеди у Лермонтова // Гуманитарные науки на рубеже веков. Материалы Международной научно-практической конференции. Вып. II. М.: МФЮА, 2001. С. 123–127. 0,4 п.л.
23. *Киселёва И.А.* Герменевтический метод при изучении творчества М.Ю. Лермонтова // Народное образование в XXI веке. М.: МГОУ, 2001. С. 46. 0,1 п.л.
24. *Киселёва И.А.* Тютчев и Лермонтов // Ф.И. Тютчев. Школьный энциклопедический словарь. М.: Просвещение, 2004. С. 321–325. 0,7 п.л.
25. *Киселёва И.А.* Идея Царства в поэтическом мире М.Ю. Лермонтова // Преподобный Серафим Саровский и русская литература. Сборник статей. М.: МГОУ, 2004. С. 143–171. 1 п.л.
26. *Киселёва И.А.* М.Ю. Лермонтов: диалектика вселенского и национального в осмыслении идеи Царства // Национальное самосознание и развитие русского общества. Материалы международной научной конференции. Сост. И.А. Киселёва. Москва: МФЮА, 2005. С 9–11. 0,4 п.л.
27. *Киселёва И.А.* Мотив Божьего Суда в поэзии М.Ю. Лермонтова // Литература и история. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. М.: МГОУ, 2006. С. 128–133. 0, 4 п.л.
28. *Киселёва И.А.* Стихотворение Лермонтова: «Парус»: поэзия духовной перспективы // Литературоведческий журнал. М., 2006. № 20. С. 40–48. 0,6 п.л.
29. *Киселёва И.А.* Философия ландшафта в поэзии // Ф.И. Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия. Сборник научных трудов. М.: Пашков Дом, 2006. С. 241–254. 0,8 п.л.
30. *Киселёва И.А.* Преподобный Серафим Саровский и М.Ю. Лермонтов // Россия в духовных поисках современного мира. Материалы II Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Нижний Новгород: Глагол, 2006. С. 286–298. 0,7 п.л.
31. *Киселёва И.А.* Образ монастыря в русской поэзии XIX века // Возрождение православных монастырей и будущее России. Материалы III Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Нижний Новгород: Глагол, 2007. С. 243–250. 0,5 п.л.
32. *Киселёва И.А.* М.Ю. Лермонтов: суд совести и Суд Божий // Духовный потенциал русской классической литературы XIX века. Сборник научных трудов. М.: Русский мир, 2007. С. 336–344. 0, 7 п.л.
33. *Киселёва И.А.* О влиянии образа преподобного Серафима Саровского на творчество М.Ю. Лермонтова // Современное прочтение

- русской классической литературы XIX века. Сборник по материалам научного семинара. М., Пашков Дом, 2007. С. 90–104. 0,7 п.л.
34. *Киселёва И.А.* Отечество земное и Небесное в художественном мире Лермонтова // Духовные начала русского искусства и просвещения: материалы VIII Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения»). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. С. 172–177. 0,5 п.л.
35. *Киселёва И.А.* Монастырь и его духовно-смысловые параллели // Русский язык в системе славянских языков: история и современность. Вып. 2. М.: МГОУ, 2009. С. 71–80. 0,4 п.л.
36. *Киселёва И.А.* Суд совести и Божий суд в творчестве М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский сборник. Вып. 2. М., Известия, 2010. С. 11–15. 0,5 п.л.
37. *Киселёва И.А.* «Есть сила благодатная в созвучье слов живых...» (Лермонтов и русская духовная традиция) // Лермонтов и Православие. М.: ЗАО «Издательский дом "К единству!"», 2010. С. 153–183. 1,5 п.л.
38. *Киселёва И.А.* Проблема самопознания в творчестве М.Ю. Лермонтова // Русский литературоведческий альманах. Выпуск II. М., МГОУ, 2011. С. 180–187. 0,5 п.л.
39. *Киселёва И.А.* Духовный смысл ландшафта в творчестве Лермонтова // Материалы III международной научно-методической конференции. «Текст в системе обучения русскому языку и литературе. Казахстан, Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 152–156. 0,4 п.л.

102

Подписано в печать 15.12.11.

Формат 60-84^{1/16}

Гарнитура Times New Roman. Бумага писчая белая.

Объём 2, 45 п.л. Тираж 150 экз.

Заказ № 154.

Отпечатано в ООО «Петроруш»

г. Москва, ул Палиха 2а.